

УДК 811.161.1

В. С. Сидорец

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Освещаются вопросы, связанные с категорией вида в русском языке, обращается внимание на различные точки зрения, а также излагается позиция автора статьи по данной проблеме.

Введение

Категория вида в славянских языках давно привлекает внимание учёных. Однако до настоящего времени существуют спорные оценки этой категории, нередко взаимоисключающие. Ряд современных учёных, как и многие их предшественники, делают акцент не на морфологическом, а на словообразовательном характере видовых различий, т. е. считают, что разные видовые значения выражаются не словоформами одной лексемы, а разными лексемами.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из активных сторонников такой позиции является И. Г. Милославский, утверждающий, что «глаголы с разными видовыми значениями отличаются друг от друга неграмматическим элементом значения» [1, 176], поэтому «рассмотрение видов в морфологии представляет собой дань традиции, сложившейся ещё тогда, когда словообразование не вышло из недр морфологии» [1, 176]. И. Г. Милославский считает, что ни одно отдельно взятое значение не имеет однозначного семантического противопоставления другому в видовой паре. Более того, возможны контексты, где «на первом плане не одно какое-либо противопоставление, а сразу несколько: *Он сразу вскочил* – целостность, мгновенность, однократность» [1, 159]. Следовательно, отсутствует противопоставление значений видов, несовершенный вид – это всего лишь слабый член привативной оппозиции [1, 164]. Естественно, нет специальных морфологических средств для реализации противопоставления *совершенный вид* – *несовершенный вид*.

Полагаем, что не только отдельно взятое значение, но и значение в тексте может противопоставляться другому по виду: *Он сегодня **чинил** пишущую машинку* – *Он сегодня **починил** пишущую машинку*. Если снять некоторую искусственность примера *Он сразу вскочил*, создав коммуникативно пригодную фразу, тогда может получиться противопоставление по всем параметрам, которые выделяет И. Г. Милославский: *Он сразу вскочил, как только услышал удар грома* – *Он сразу вскакивал, как только слышал удар грома*. В качестве инвариантного значения И. Г. Милославский предлагает значение «целостность события» [1, 162] для глаголов совершенного вида и его отсутствие для глаголов несовершенного вида.

Достаточно эффективными и плодотворными явились исследования Ю. С. Маслова, В. А. Бондарко, М. А. Шелякина, представителей Ленинградской школы аспектологов, а также работы Ю. Д. Апресяна, Н. С. Авиловой и др., значительно обогативших, особенно в функционально-грамматическом отношении, учение о категории вида, характеризующей семантику акциональности-неакциональности с точки зрения внутреннего предела, хотя некоторые аспектологи не считают эту онтологическую черту глагольной семантики универсальной. Так, М. Я. Гловинская, опираясь на смысловую (ментально-когнитивную) методику А. Вежбицкой, акцентирует внимание на идее начала или конца действия [2, 29–34] при анализе глаголов с общефактическим значением.

Г. А. Золотова в одной из своих последних работ критикует аспектологов за то, что они не уделяют должного внимания тексту при исследовании вида, который является, по её мнению, текстовой категорией. Это касается и таких ярких представителей аспектологов, как А. А. Зализняк, А. Д. Шмелёв, которые, считает Г. А. Золотова, идут не от контекста, «не от изучения семантико-грамматических свойств глагола, а от прочитанных книг, классификации которых повторяют без проверки, что сразу вынуждает окружать дефиниции оговорками, не спасающими от противоречий» [3, 22].

В подтверждение позиции Г. А. Золотовой даже в условиях «примитивного» текста несопоставимые, на первый взгляд, по грамматическому (морфологическому) виду пары *бить* –

убить, бить – пробить могут обрести такую сопоставимость (*его долго били, пока не убили; часы на башне били двенадцать – часы на башне проббили двенадцать*), а сопоставимые пары *убить – убивать, пробить – пробивать* отличаются способом глагольного действия: вторые члены отмеченных пар, кроме грамматической семантики несовершенного вида, реализуют словообразовательную семантику – многократность действия, следовательно, в этих парах разные лексические значения.

Кстати, возможность избавиться в русском языке от интеграции видовой и акционсартной семантик, «развести» их эффективно демонстрируют коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды, неоднословные наименования акционально-статального признака, что можно заметить и вне текста: *убить – совершить убийство, убивать – совершать убийство*. В первой паре примеров реализуется чистая семантика совершенного вида, во второй – глагол выражает суффиксом *-ва-* интегрированную семантику несовершенного вида и многократного способа действия, а вербоид с помощью дериванта *совершать* передаёт чистую семантику несовершенного вида. Можно к значению вербоида «подключить» и многократную акционсартную семантику, употребив предикатное существительное в форме множественного числа (*совершать убийств-а*). Но и в этом случае отмеченные семантики получают дифференцированное материальное выражение: грамматическая база несовершенного вида – деривант, а база акционсартной многократной семантики – окончание множественного числа существительного [4, 73–78].

В этом отношении не отличаются, на наш взгляд, принципиальной теоретической новизной статьи, опубликованные в сборнике «Типология вида. Проблемы, поиски, решения», в которых детализируется видовая инвариантность как компонент в значении языковой единицы, присутствующий «в любом её употреблении либо в своём изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определённых условиях по каким-либо общим правилам» [5, 125]; осуществляется проекция темы-ремы на видовые оппозиции [6, 146]; освещаются понятия длительности и недлительности (моментальности) как инварианты совершенного и несовершенного видов [7, 167–182]; принимается трактовка, согласно которой русский вид – категория, имеющая промежуточный статус между словоизменением и словообразованием, несмотря на то что по определённому набору количественных критериев вид тяготеет к словоизменительной парадигме [8, 343]; делается вывод о том, что «вид и время существуют неотдельно, они составляют единую видо-временную категорию...развивающуюся по пути возрастающей грамматикализации её видового компонента, наиболее объективно отражающего протекание действия во времени» [9, 507]; обосновывается цель когнитивного подхода к грамматике (в том числе и категории вида), заключающаяся «в том, чтобы объяснить существующую грамматическую систему, связав её с более общими свойствами человеческого мышления, включая вопрос о том, как мы проводим структурирование мира» [10, 382] и др.

Понятно, приведённые положения обогащают наше представление о категории вида, тем не менее остаётся центральной роль В. В. Виноградова, выдвинувшего в работах конца 20–30 гг. «понятие образа автора», «говорящего, наблюдателя» и выявившего «текстовые функции видо-временных форм глагола, которые волею автора организуют пространственно-темпоральный объём текста. Это было блестяще подтверждено анализом художественного мира, субъективных форм литературного времени, их сюжетного чередования в «Пиковой даме» и в других повестях Пушкина. В 1947 г. грамматические обобщения результатов этого анализа были включены в книгу «Русский язык» [3, 10].

В. В. Виноградов внимательнейшим образом изучил и оценил достоинства и недостатки учения о виде на протяжении большого отрезка времени, начиная с грамматик Мелетия Смотрицкого и Ю. Крижанича и завершая трудами Ф. Ф. Фортунатова, Г. К. Ульянова, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Гениальная языковая интуиция, блестящее знание текстов русской классической литературы, огромный опыт изучения истории русского языка позволили учёному создать фундамент в теории видов русского глагола, которая «лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий глагола. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий» [11, 379].

В. В. Виноградов удивительно тонко вошёл в сущность качественных и количественных семантических различий в содержательной структуре глаголов, убедительно доказал значимость грамматических семантических элементов *предел – непредел*, ставших опорой формирования категории вида, чему в глагольной системе исторически способствовало усиление роли предлогов-

приставок. Последние, присоединяясь к глаголам, постепенно модифицировали их семантику в темпоральном отношении, порождая отмеченные выше грамматические характеристики. При этом ряд приставок превращается в чистовидовые, потому что «грамматика ведёт наступление на лексику и обращает словообразовательные элементы в формообразующие префиксы видовых форм одного глагола» [11, 424]. Особого внимания заслуживает мысль В. В. Виноградова о том, что появившаяся видовая корреляция на базе предлогов-приставок типа *делать – сделать, томить – истомить, свирепеть – рассвирепеть* втягивает в свою сферу и преобразует другие языковые средства. Так, «в некоторых случаях видовая форма одного глагола выражается чисто лексическими средствами. Разные слова, сближаясь, превращаются в формы одного «гибридного», сросшегося из двух тем, слова» [11, 424]. Приведём некоторые его примеры: *брать – взять, говорить – сказать, ловить – поймать, лечь – ложиться, уволить – увольнять* и др.

Подчёркивая способность любого глагола иметь категорию вида, В. В. Виноградов вместе с тем отмечает, что «далеко не все глаголы имеют формы обоих видов» [11, 424], поскольку не всегда грамматика «может преодолеть сопротивление словаря, а иногда и фонетики» [11, 425] и даёт этому глубоко аргументированное объяснение. Нередко, исходя из когнитивной природы факта, такое противопоставление просто не требуется. Концепция В. В. Виноградова открыла широкий простор для дальнейших всесторонних исследований категории вида, представляющей «один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики» [11, 379].

Ожидаемым результатом этой совершенно справедливой оценки стало признание *предела–непредела* действия сущностью глагольного вида, которую обосновал В. В. Виноградов. Развивая мысль Виноградова, Г. А. Золотова делает акцент на том, что «вид – это грамматическая категория, выражающая способ, которым говорящий передаёт своё одномоментное либо длительное восприятие предикативного признака или обобщённое знание о нём, включая его в таксисные отношения порождаемого текста» [3, 27].

Каково мнение учёных, занимающихся исследованием исторических фактов развития и становления глагольных категорий?

Формирование видовых отношений, как аргументированно доказали авторы академического издания «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол», начинается «с того момента, когда в позднем праславянском языке появляется необходимость выражения экспрессивного значения процессуальности, длительности действия. Оно возникает из переосмысления более древнего неопределённо-многократного значения, происшедшего в связи с развитием категории предельности у приставочных глаголов» [12, 158]. Используя материалы памятников славянской письменности, данные современных говоров, авторы этого издания приходят к убеждению, «что в исходном состоянии древнерусского языка уже наличествовала достаточно обширная система семантически и формально противопоставленных оппозиций однокоренных приставочных глаголов, одинаковых по своей лексической семантике, которые и составили ядро развивающейся видовой системы» [12, 163]. В последующие периоды морфологизация средств становления видовой корреляции усиливаются.

В сознании говорящих, таким образом, образуется и существует тот когнитивный элемент, который позволяет даже косноязычному носителю русского языка не делать «ошибок в употреблении видов; ребёнок осваивает вид раньше, чем время глагола и многие другие категории; наконец, при афазиях порядок обратный: способность правильно использовать виды теряется позднее» [13, 31].

То, что категория вида усваивается с самых ранних лет жизни говорящего, свидетельствует о существовании в сознании человека инварианта предел–непредел. В принципе, отмеченные значения целостности–нецелостности, начала или конца, одномоментности или длительности, на наш взгляд, лишь детализируют понятие *предел–непредел*. Кроме того, идея о внутреннем пределе может быть поддержана (даже создана, по словам И. Г. Милославского) контекстом или основательно редуцирована, модифицирована им в зависимости от коммуникативных целей высказывания, тем не менее она постоянно присутствует там, где есть глагол, причём такое присутствие берёт своё начало с праславянского периода и способствует выработке подвергающихся морфологизации (шире – специализации) различных средств для выражения видовой семантики.

Для того чтобы «поставить точку над и», ещё раз обращаемся к Г. А. Золотовой, когда она как ведущий соавтор научного издания «Коммуникативная грамматика русского языка» с учётом того, что «в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия» [11, 394] справедливо сделала акцент на том, что «дискуссионный вопрос об инвариантном,

категориальном значении вида, при наличии конкурирующих, более или менее синонимичных определений, с наибольшей убедительностью решается в пользу оппозиции предельность-непредельность. Меньше всего ясности в представлениях о функциях вида, нередко их не отграничивают от значений» [3, 26].

Выводы

Итак, категория вида характеризует то, что выражается акциональными и неакциональными глаголами с точки зрения внутреннего предела: достигнут предел – вид совершенный, предел не достигнут – вид несовершенный.

По значению категория вида является морфологической; по форме – в основе своей морфологической, продолжающей специализацию различных неморфологических средств для выражения видового семантического инварианта *предел–непредел* (недостижение предела); по функции категория вида, как и категория времени, представляется средством создания различных по характеру темпоральности текстовых структур в соответствии с замыслом производителя текста.

Определённым аккордом является следующее высказывание Г. А. Золотовой: «Своеобразная история русского глагола, перестроившая систему времён и развившая категорию вида, соединила две категории в единой видо-временной форме слова, предназначив её для роли основного средства организации текста. В работах В. В. Виноградова 1936 и 1947 гг., явно недооцененных аспектологами, выявлены и продемонстрированы композиционно-синтаксические функции глагольных форм, в которых кристаллизовались «значения и употребления» вида и времени» [3, 27].

Литература

1. Милославский, И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.
2. Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола / М. Я. Гловинская. – М. : Наука, 1982. – 155 с.
3. Золотова, Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
4. Сидорец, В. С. Способы действия в сфере восточнославянских глаголов и вербоидов / В. С. Сидорец // Мова і культура. – Київ : Видавничий дім Дм. Бураго, 2009. – Т. VII (132). – Вип. 12. – С. 73–78.
5. Гловинская, М. Я. Инвариант современного вида в русском языке / М. Я. Гловинская // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 125–134.
6. Гуревич, В. В. Видовая семантика в русском и английском языках / В. В. Гуревич // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 145–150.
7. Кароляк, С. К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках / С. Кароляк // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 167–182.
8. Перцов, Н. В. Русский вид: словоизменение или словообразование / Н. В. Перцов // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 343–353.
9. Черткова, М. Ю. От категории вида к категории времени или наоборот / М. Ю. Черткова // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 498–507.
10. Раппопорт, Г. Перфективация состояний / Г. Раппопорт // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 381–395.
11. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слов / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
12. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. [под ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова, д-ра филол. наук В. В. Иванова]. – М. : Наука, 1982. – 436 с.
13. Зельдович, Г. М. Семантика и прагматика современного вида в русском языке / Г. М. Зельдович // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 30–61.

Summary

In this article the questions, connected with the category of aspect in Russian, are examined. The attention is paid to the different viewpoints. Author's position on the giving problem is stated.

Поступила в редакцию 20.04.11.